

«ПУСТЬ ЭТОМУ НЕ БУДЕТ КОНЦА...»

Народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Елена Образцова — гость столицы Грузии. Гастроли певицы — яркое и волнующее событие в культурной жизни республики. В программе двух вечеров на сцене Большого зала Тбилисской государственной консерватории имени В. Сарджишвили — монографические циклы из произведений Даргомыжского, Мусоргского, Свиридова. Концертмейстер — заслуженный деятель искусств Грузии Важа Чачава.

...Магия обаяния певицы возникает с первой же секунды ее появления на сцене, или, точнее сказать, явления. Каждая встреча с ней не просто волнует, она живет в памяти, входя в жизнь острой эмоциональной взрывом, ликующей радостью общения с высоким искусством. Разгадка (хотя возможно ли разгадать до конца тайну неповторимого артистизма) — в неразличимости границ между искусством и жизнью, в незаурядном мастерстве, высочайшем художественном даровании.

— Елена Васильевна, однажды после вашего концерта Майя Блисская сказала, что «Образцова, в каких бы образах ни представляла, поет двадцатый век».

— Вы знаете, многие считают, что главное для певицы — это голос и еще раз голос. Сейчас для современного музыканта-певца этого уже недостаточно. Голос — это инструмент. Как скрипка. Ты можешь иметь скрипку, но это не значит, что ты уже скрипач. Великие певцы убедили меня в бесконечных возможностях человеческого голоса. Исполнителю прежде всего надо иметь, что сказать, и знать, как сказать. А если певцу есть, о чем говорить, если у него есть своя тема, тогда он работает в поте лица своего. Тогда и понимает его публика, тогда он современен.

Нынешние исполнители должны обязательно работать в разных жанрах. Петь и рус-

скую классику, и западную, и народные песни. Я не перестаю повторять: актерский век короток. Режиссер, дирижер могут работать до старости, а оперный певец, так же, как артист балета, должен спешить. Певец обязан развиваться. А это возможно лишь в совместной работе с большими композиторами, дирижерами, теми, кто вместе с нами создает программу.

— Вы предложили тбилисскому слушателю оригинальные премьеры. В первый вечер исполняли произведения Даргомыжского...

— Я страшно волновалась, как и вообще, когда впервые выношу свою новую работу на суд слушателей. Но сейчас, после концерта, могу сказать, что ощутила огромную творческую радость, когда почувствовала — меня понимают. Словом, получилось все так, как я того хотела.

Романсы Даргомыжского — очень сложные, они очень близки по трудности к камерным произведениям Глинки. Посудите сами: на стихи каких поэтов они сложены, какие имена — Пушкин, Лермонтов, Мицкевич, Языков, Давыдов, Кольцов... Эти романсы чисты, правдивы, эмоциональны: они очень сложны по технике.

И мы с моим концертмейстером — заслуженным артистом Грузинской ССР Важа Чачава провели большую работу, «вызвали» из небытия многие романсы композитора.

Я могу уже сегодня сказать, что после этой встречи с романсами Даргомыжского я музыкально выросла.

— Елена Васильевна, вы с Важа Чачава работаете не первый год, и ваш союз вылился в поистине вдохновенный творческий дуэт.

— Сотрудничество наше началось десять лет назад, а познакомились мы в Испании на конкурсе вокалистов имени Франсиско Виньяса. С тех пор я мечтала о встрече. Когда, наконец, она произошла, он сказал мне: «Вы большая певица, но даже вам нужно больше времени уделять черновой работе». Сам он — удивительный музыкант, и он педагог в музыке. И начал заниматься со мной как со студенткой.

Важа строг, даже суров, но может посоветовать, убедить, предложить что-то новое. Мы с ним подготовили очень много программ. Все, что я могу сказать о нем, может быть только в превосходной степени. Я люблю его за то, что это профессионал, чувствую в нем равного себя музыканта.

— Вашими партнерами по сцене были многие исполнители из Грузии, что вы можете сказать о них?

— Моим первым наставником и первым партнером в Большом театре был Зураб Анджапаридзе. Я с огромным удовольствием и радостью пела в «Аиде» вместе с Цисаной Татишвили. С Медеей Тугуши мы еще студентками выступали в Финляндии, с Медеей Амирашвили участвовали в конкурсе имени Глинки. Был моим партнером в «Аиде» Нодар Андгуладзе. Я часто выступаю с Зурабом Соткилава в Москве, других городах, за рубежом. Мы встретились с ним впервые на конкурсе имени Виньяса, в

Испании, и были первыми советскими певцами, участвовавшими в нем. В третьем туре мы выступали с Зурабом в один день. Нам аплодировали после каждого номера, хотя слушателям запрещалось открыто выражать свои чувства. Поздно ночью мы узнали, что стали победителями конкурса. «Выступления русских были подлинной сенсацией», — писали газеты на следующий день. — Они развеяли миф, что хорошо исполняют только славянскую

музыку». Зураб был просто пьян от успеха. Я тоже была счастлива!

Как видите, в Грузии у меня очень много друзей, и я всегда рада приезжать сюда, каждая встреча с дорогими мне людьми, с публикой — большой праздник. Слушатель в Тбилиси очень тонкий, здесь любят и ценят искусство, и это, конечно, ко многому обязывает.

— Вы, вероятно, вообще уделяете много внимания залу,

тем, для кого поете, с кем общаетесь?

— Зал для настоящего певца — это инструмент, на котором он играет. Когда я настраиваюсь с залом, я спокойна. Это ощущение приходит не сразу. Через много лет после выхода на сцену. А есть певцы, которые его так никогда и не познают. Но кто хоть раз почувствовал, что это такое, уже не может без этого петь.

Я специально ишу в зале те лица, для кого буду петь. Однажды на концерте в Риге ко мне подошла одна женщина и спросила: «Почему вы пели весь концерт для меня?». Я добила своего.

— Вы как-то сказали, что, выступая, полностью покоряетесь музыке, чувствуете ее и образно, и живописно.

— Музыку я должна сначала услышать без партитуры, без нот. Одним лишь чувством. Это самый важный, решающий момент в моих с ней отношениях. Что-то именно в это время происходит со мной, я не знаю что. И страшно, если мне помешают. Когда я вынырываю из этого погружения, растворения, я уже точно знаю, полюбила музыку или нет. Буду я ее петь или нет. Если я музыку полюбила, я ей покоряюсь вся. Музыка мне не покорилась еще ни разу. Всегда только я — ей. И когда я чувствую, что она меня к себе берет, я счастлива. Тогда я включаю рассудок и начинаю работать сознательно. Учю нотный текст, думаю о фразе, о произношении, о паузах. Слушаю другие исполнения. Но к технической трудности я прихожу, пережив какое-то безразличие.

Я часто думаю, что вот половина жизни прожита, а я еще не успела жить — работа, работа, работа... Вечная неуст-

роенность, вечные переезды, гостиницы, чемоданы, смена климата и времен года, все новые, новые люди — все летит и мелькает передо мной, как в ускоренной кириленте. Иногда хочется все бросить и пожить спокойно. Но, увы... для меня это невозможно. Жизнь predetermined — я раб своего искусства и служу ему верой и правдой с любовью и полной самоотдачей.

— Елена Васильевна, знаю, что вы всегда с большим удовольствием включаете в свои программные произведения Свиридова, с этим композитором вас связывают и интересные творческие поиски, и дружба. И на этот раз вы включили в свое выступление его романсы.

— Но только новые. Это «Отчалившая Русь» на стихи Есенина — замечательное творение Свиридова.

Работа с Георгием Васильевичем по-настоящему сближает меня с новой музыкой, с новым искусством. Его музыка заставляет меня искать совершенно новую манеру исполнения, новую манеру звукоизвлечения даже, новые краски в голосе.

Я очень волнуюсь, как примет завтра публика мою новую программу. Прошедший мой концерт, думаю, состоялся, и «родилось» новое дитя. Успех программы на романсы Даргомыжского вселяет надежду, что все будет хорошо.

Через несколько дней мне предстоят гастроли вместе с труппой Большого театра СССР в Будапеште и Берлине, затем сольные концерты в США и Испании. Вот так и продолжается моя жизнь на сцене, жизнь моя в музыке. И пусть не будет этому конца.

Беседу вел
Инна Фридкина.

